

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА СЕЗОНА

Когда лед ломается,
спасти может только тот,
кто умеет держать скальпель.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЧЕЙС ДЕВЛИН & СЛОАН ХЭТЭУЭЙ

Eliza Dawn

Вторая половина сезона

<https://litres.ru/74682702>

SelfPub; 2026

Аннотация

ГОРЯЧАЯ НОВИНКА 18+

«ВТОРАЯ ПОЛОВИНА СЕЗОНА»

«Когда лёд ломается, спасти может только тот, кто умеет держать скальпель».

ОН: Чейс «Разрушитель» Девлин — звездный капитан «Нью-Йорк Рейнджерс». 193 см brutальной силы, ярости и контроля. Один жесткий удар в борт на матче НХЛ ломает его позвоночник. Чейс прикован к постели, он сломлен депрессией и вымещает злость на окружающих.

ОНА: Доктор Слоан Хэтэуэй — ведущий нейрохирург Манхэттена. Хладнокровный «Робот в халате» с идеальной репутацией. Она пережила личную трагедию, заблокировала все эмоции и абсолютно непробиваема для его агрессии и провокаций.

ЧТО ВАС ЖДЕТ ВНУТРИ:

Ментальная война: Яростный, отчаявшийся спортсмен против ледяной женщины-врача.

Вынужденное сожительство: Тайная реабилитация в уединенном загородном доме один на один.

Чувственный контраст 18+: Откровенные и эмоциональные постельные сцены.

Атмосфера: Роскошный и ночной Нью-Йорк, больничные тайны и жажда жизни.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Eliza Dawn

Вторая половина сезона

Глава 1

Глава 1. Лёд под ногами

Чейс

Мэдисон-сквер-гарден не просто шумел — он исходил первобытным, утробным ревом, от которого вибрировал воздух, а тяжелый многослойный углепластик коньков ССМ премиальной серии передавал эту дрожь прямо в подошвы ступней. Вибрация поднималась выше, по голениям, заставляя туго натянутые защитные щитки мелко подрагивать. Двадцать тысяч глоток. Двадцать тысяч фанатов, забивших ярусы трибун под самый скошенный купол арены, слились в единый стонущий организм. Они пришли за кровью, зрелищем и триумфом в седьмом, финальном матче Восточной конференции. На колоссальном четырехстороннем медиакубе Colosseo, подвешенном по центру, ядовито-красным цветом исходили последние секунды. 3:3. И ровно сорок две секунды до финальной сирены третьего периода. Ровно сорок две секунды до того, как игра перейдет в изматывающий, валидольный овертайм.

Воздух над ледовой коробкой был настолько плотным и

горячим, что казался осязаемым, вопреки мощной работе подземных чиллеров, замораживающих плиту площадки. На уровне бортов этот воздух всегда имел один и тот же специфический, до боли знакомый коктейль запахов: резкий ядовитый шлейф хладона из дренажных систем, мокрая, срезанная ножами коньков ледяная крошка, пропитанная потом шерсть судейских свитеров, соленый привкус собственного адреналина на языке и едва уловимый, липкий запах страха, исходящий от скамеек обеих команд.

Чейс судорожно перехватил клюшку, сильнее вдавив пальцы в плотные кожаные вставки тяжелых игровых краг Bauer. Внутренняя сторона перчаток давно промокла насквозь. Каждая мышца его тела — от массивных бедер до забитых трицепсов — горела синим пламенем после двух с половиной часов непрерывного, жесткого бега на выживание. Левое колено, перенесшее две сложные артроскопические операции в прошлом межсезонье, глухо и мерно ныло при каждом переносе веса, но этот физический сигнал тонул в общем потоке. В его венах сейчас бурлила чистая, неразбавленная, концентрированная ярость. Таймер обратного отсчета неумолимо жрал мгновения, приближая развязку основного времени.

— Девлин, на смену! Чейс, твою мать, на лавку! Свежие силы на лед! — сквозь сплошную стену грохота трибун донесся надрывный, сорванный до хрипа крик главного тренера «Рейнджерс» Джона Кинга. Тренер яростно стучал пла-

стикovým планшетом по деревянному борту команды, призывая свое главное звено к ротации.

Чейс даже не повернул головы в сторону скамейки. Глаза, скрытые за стальной защитной решеткой шлема, были намертво прикованы к резиновому диску в средней зоне.

Капитан не уходит в тень, когда на кону стоит судьба всего клуба. Только не он. Только не Чейс «Разрушитель» Девлин. Человек, чье имя Нью-Йорк последний миллион долларов контракта скандировал с религиозным обожанием. Десяти-миллионный годовой оклад, гигантские рекламные билборды с его лицом на Таймс-сквер, неофициальный статус самого агрессивного, результативного и бесстрашного центрального нападающего лиги — вся эта роскошная жизнь требовала жестокой, мгновенной платы. И Чейс прекрасно понимал: пришло время платить по счетам.

Шайба с тяжелым металлическим свистом вылетела из зоны защиты «Рейнджерс», заскользив по глубоко изрезанному, покрытому матовой белой крошкой льду прямо к синей линии. Защитник «Бостона» — огромный, неповоротливый тридцатипятилетний ветеран Миллер — допустил едва заметную, секундную заминку при обработке прыгающего диска. Он просто на мгновение опустил голову, проверяя положение коньков. В седьмом матче серии плей-офф такая заминка приравнивается к смертному приговору.

Чейс включил ноги.

Это был взрывной, звериный старт, на который способны

единицы. Лезвия его коньков с яростным скрежетом вонзились в лед, фонтан смерзшихся кристаллов взметнулся на уровень его пояса. Сближение заняло меньше секунды. Врезавшись жестким пластиком наплечника точно в грудину Миллера, Чейс применил сокрушительный силовой прием. Сто два килограмма чужого веса с глухим, раскатистым эхом отлетели на толстый слой заградительного плексигласа, заставив конструкцию опасно прогнуться. Не теряя координации, Чейс ювелирным, инстинктивным движением подработал коньком застрявшую шайбу и подхватил ее на крюк своей клюшки.

Трибуны Мэдисон-сквер-гарден взмахнули тысячами белых полотенец, превращая стадион в бушующее море. Конструкции арены буквально заходили ходуном от ультразвукового крика.

Один на один с голкипером. Чистый выход.

Весь мир вокруг Чейса внезапно потерял резкость и звуки, сузившись до микроскопических размеров черного каучукового кругляка у его ног и белой нейлоновой сетки ворот соперника впереди. Он слышал только собственное рваное, свистящее дыхание внутри пластиковой маски. Он отчетливо видел, как вратарь «Бостона» дрогнул: его щитки судорожно дернулись, он присел ниже к плоскости льда, смещая центр тяжести и пытаясь просчитать угол неминуемой атаки. Чейс сделал резкое ложное движение правым плечом и корпусом влево — идеальный, отточенный до автоматизма

финт, заставивший голкипера качнуться вслед за обманной траекторией. В следующую долю секунды, когда между щитами вратаря образовался зазор в несколько дюймов, Чейс молниеносно переложил шайбу под неудобную руку и хлестко, с кистей, бросил в противоход.

Черный диск со скоростью пули прошел воздушное пространство над правым плечом вратаря и вонзился точно под перекладину, с корнем сорвав закрепленную там пластиковую бутылку с изотоником.

За воротами мгновенно вспыхнули яростные красные фанари. Оглушительный, закладывающий уши рев финальной сирены утонул в крике толпы. Гол. 4:3.

Они вырвали эту победу. Они забрали серию. Они вышли в финал Кубка Стэнли.

Чейс вскинул руки вверх, победно скидывая клюшку к медиакубу, собираясь вытолкнуть из легких дикий, триумфальный крик, который уже жег его горло. Он сделал это. Он затащил этот чертов матч в одиночку на зубах и характере.

Но крик победы навсегда застрял в его гортани.

В ту самую микросекунду, когда его коньки по чистой инерции несли его тело за ворота соперника, Чейс краем глаза успел заметить огромную, стремительно растущую темную тень. Второй защитник «Бостона», двухметровый канадский тафгай Брэдли по прозвищу «Мясник», несся на него на максимальной скорости. Ослепленный яростью позорного проигрыша за сорок секунд до сирены, Брэдли да-

же не пытался закладывать вираж или тормозить. Чейс находился в критически уязвимой, беззащитной позиции: мышцы расслаблены после броска, спиной к основному полю, руки подняты в победном жесте. Идеальная, статичная мишень для убийства.

Удар пришелся точно в межлопаточную зону, чуть ниже защитного ворота джерси.

Это не был силовой прием, который допускают жесткие рамки хоккейных правил. Это был преднамеренный, хладнокровный таран на уничтожение. Сто одиннадцать килограммов чистой человеческой массы на скорости около сорока пяти километров в час впечатали Чейса Девлина спиной прямо в монолитный пластиковый борт арены. Кинетическая энергия была такой силы, что его голова с силой мотнулась назад, совершив хлыстовое движение, и затылок с косячным стуком врезался в толстое акриловое стекло ограждения.

То, что произошло в следующую секунду, его мозг не смог зафиксировать как нормальную последовательность событий. Это была мгновенная, абсолютная катастрофа, разделившая его жизнь на «до» и «после».

Раздался звук. Странный, неестественный, ужасающий звук, который Чейс услышал не органами слуха, а глубоко внутри черепной коробки. Как будто в мертвой, вакуумной тишине толстая сухая ветка векового дуба с оглушительным треском переломилась пополам.

Хруст.

В то же мгновение его позвоночный столб снизу вверх прошла такая чудовищная, неопиcуемая вспышка боли, что из легких разом, до единой капли, вышибло весь накопленный кислород. Горячая, жидкая, пульсирующая молния ударила от поясницы к шее, взрывая нервные окончания, а затем наотмашь, словно хлыстом, ударила вниз, к тазобедренным суставам. Чейса отбросило от пластикового борта, как тряпичную куклу, и он рухнул на лед лицом вниз. Тяжелый шлем сорвался с креплений и со звоном покатился в сторону круга вбрасывания.

Экран его сознания мгновенно затянуло плотной, тяжелой, маслянистой темнотой.

Когда эта темнота начала нехотно, сантиметр за сантиметром отступать, первыми в сознание вернулись звуки. Но они были чужими, пугающими и совершенно неправильными. Многотысячный рев стадиона, который еще мгновение назад исходил экстазом от забитой шайбы, внезапно оборвался, словно кто-то нажал на кнопку выключения звука. Над Мэдисон-сквер-гарден повисла гробовая, звенящая, мертвая тишина, от которой закладывало уши. Чейс слышал только свое собственное прерывистое, хриплое, свистящее дыхание и то, как крупные, тяжелые капли крови мерно, с отчетливым стуком падали из его рассеченной пластиком губы на холодное зеркало льда. Белая ледяная крошка под его подбор-

родком стремительно окрашивалась в ярко-рубиновый цвет.

Он лежал, уткнувшись правой щекой непосредственно в лед. Острый холод приятно остужал горящую от ссадин кожу, но Чейс по-прежнему не мог пошевелить головой. Тело казалось налитым тоннами жидкого чугуна.

«Надо вставать, — тяжело, сквозь гудящий серый туман в черепе подумал он. — Капитан не имеет права валяться на льду. Пресса завтра напишет, что Девлин сломался от обычного хита. Живо на ноги, Чейс. Игра окончена, нужно ехать на рукопожатие».

Он попытался опереться ладонями на скользкую поверхность. К удивлению, руки послушались: пальцы в крагах уперлись в лед, хотя мышцы плеч дико дрожали, а в лопатках стреляло раскаленным железом. Чейс приподнял верхнюю часть корпуса на несколько дюймов, преодолевая тупую, разливающуюся боль в районе поясничного отдела.

— Эй, Чейс! Чейс, твою мать, только не шевелись! Слышишь меня? Лежи как лежишь! Линейный, врача сюда! Носилки на лед, быстро! — над ним на коленях уже скользил перепуганный до смерти главный арбитр матча. Его полосатая черно-белая джерси замелькала перед глазами Чейса, размываясь в пятно. Чуть дальше, на самой границе видимости, Чейс замечал сине-красные коньки парней из своей команды, которые на полной скорости бежали к нему со скамейки.

— Всё в порядке... — выдавил из себя Чейс, но его го-

лос показался ему чужим, надтреснутым, сиплым и слишком слабым для его массивной грудной клетки. — Я нормальном состоянии. Сейчас поднимусь. Дайте мне чертову секунду.

Он принял решение подогнуть под себя ноги, чтобы опереться на колени и встать, как делал сотни раз за свою карьеру после самых жестких драк с тафгаями соперника.

Он мысленно послал четкий, мощный электрический импульс своему телу. *Толкнись руками от льда. Согни правое колено. Подтяни левое бедро. Вставай.*

Ничего не произошло.

Чейс на мгновение замер, перестав дышать. Вода под его грудной клеткой уже начала таять от тепла тела, пропитывая плотную ткань игровой формы. Он попробовал еще раз. Напряг мышцы брюшного пресса так интенсивно, что в глазах поплыли плотные кровавые круги, попытался пошевелить хотя бы большими пальцами внутри жестких, отформованных по ноге хоккейных коньков. Он вложил в это ментальное усилие всю свою ярость, всю волю, весь свой авторитет лидера.

Ничего. Абсолютное, гробовое, замораживающее душу ничто.

Вся нижняя половина его тела — его мощные, мускулистые, идеально натренированные ноги, которые кормили его, которые сделали его знаменитым на весь континент, которые принесли ему все эти многомиллионные контракты, дома и славу — больше не подавали признаков жизни. Чейс чув-

ствовал себя так, словно его перерубили огромным топором точно по линии пупка. От поясницы и ниже лежало тяжелое, чужое, совершенно мертвое бревно, полностью изолированное от любых команд его головного мозга.

— Чейс, парень, смотри на меня, не вздумай закрывать глаза, — над ним уже стоял на коленях командный врач «Рейнджерс» доктор Мартин. Пожилой медик аккуратно, но мертвой хваткой зафиксировал его шею и основание черепа своими ладонями. Лицо врача было землисто-серым, по глубоким морщинам на лбу крупными каплями катился пот. — Не двигай головой, Чейс. Ты меня слышишь? Ты чувствуешь мои пальцы?

— Док... — Чейс попытался резко дернуться вперед, но сильные пальцы Мартина намертво прижали его голову назад к ледяному настилу. Внутри хоккеиста внезапно, как сорвавшаяся с гор лавина, поднялась дикая, удушающая, первобытная паника. Она железными тисками сдавила горло, полностью перекрывая доступ кислорода к легким. — Док, я не чувствую ног. Какого хрена? Мартин, что за херня?

— Тихо, тихо, сынок, это шок. Обычный спинальный шок от прямого компрессионного удара, нервные каналы просто заблокированы отеком, сейчас приедет специализированная бригада, тебя доставят в госпиталь...

— Док, блять! — Чейс сорвался на глухой, животный, скрежещущий крик, в котором смешались ужас маленького ребенка и подступающее безумие взрослого мужчины. Он

снова попытался рвануться вверх, используя исключительно силу своих накачанных рук и широчайших мышечных спины, но его таз, бедра и голени оставались абсолютно неподвижными, словно их прибили к плите Мэдисон-сквер-гарден огромными стальными железнодорожными костылями. — Я не чувствую ног! Я вообще ничего не чувствую ниже пояса, Мартин! Сделай что-нибудь, черт тебя дери! Вколи мне что-нибудь! Где укол?!

Вокруг его тела уже суетились три парамедика городской скорой помощи в ярких светоотражающих оранжевых жилетах. Кто-то из них профессиональным, годами заученным движением защелкнул на его шею жесткий пластиковый полукорсет, окончательно лишая Чейса минимальной возможности повернуться и посмотреть на собственные ноги. На его лицо с шипением натянули плотную кислородную маску, но Чейсу казалось, что воздух в ней сухой и отравленный — он не мог сделать полноценный глубокий вдох, его грудная клетка при расширении словно натыкалась на глухую бетонную стену.

Тяжелый медицинский спинальный щит со зловещим пластиковым стуком опустился на лед рядом с его плечом. Чейса осторожно, синхронно, на счет «три», вчетвером перевернули на спину. В этот короткий миг, когда маска на лице на секунду сдвинулась в сторону, он успел бросить взгляд вверх, под потолок.

Там, под самым куполом Мэдисон-сквер-гарден, на ги-

гантском медиакубе в режиме бесконечного повтора крутили его победный гол в замедленной съемке Super Slow-Mo. Вот его корпус обходит защитника. Вот резина прошивает сетку ворот. Миллионы спортивных фанатов у экранов телевизоров по всему миру прямо сейчас, в прямом эфире, видели его величайший триумф.

И его мгновенную смерть как профессионального спортсмена.

Его тело намертво, до хруста костей, привязали тремя широкими черными ремнями к пластиковому щиту. Когда колеса носилок со стуком покатали через ледовую площадку к техническому выходу, Чейс сквозь силу повернул глазные яблоки в сторону трибун. Люди стояли. Весь двадцатитысячный стадион поднялся со своих мест в едином порыве. Тысячи фанатов в сине-красных дорогих джерси с трижды проклятой фамилией DEVLIN на спинах провожали своего капитана абсолютным, мертвым молчанием. Некоторые молодые девушки в первых рядах VIP-партера закрывали лица ладонями, в слезах прижимаясь к своим спутникам. Его партнеры по команде выстроились в ровную линию вдоль борта, сняв шлемы, и в их глазах Чейс прочитал то, что всю жизнь ненавидел и презирал больше всего на свете.

Жалость. На него смотрели как на покойника в открытом гробу.

«Это просто шок, — судорожно, как безумную молитву, заикливо повторял он про себя, когда носилки с глу-

хим металлическим стуком заталкивали в душный, пахнущий медикаментами, спиртом и чистым пластиком салон реанимобиля Ford. Тяжелые задние двери с грохотом захлопнулись, окончательно отрезая его от затихшего стадиона. Сирены снаружи взвыли на высокой ноте, и тяжелая машина, сильно качнувшись на рессорах, резко сорвалась с места, выезжая на запруженные вечерние улицы Манхэттена. — Это просто сильный ушиб позвоночника. Большая гематома. Завтра утром отек спадет, нервы отпустят, и всё придет в норму. Я Чейс Девлин. Я выкарабкивался и не из таких передряг. Со мной не может случиться ничего непоправимого. Только не со мной».

Но мертвая, ледяная, абсолютно чужая пустота в нижней половине его тела говорила об обратном. Вторая половина сезона для него закончилась, едва успев начаться. И Чейс всем своим существом, каждой выжившей клеткой своего мозга чувствовал: вместе с этой игрой в этот дождливый нью-йоркский вечер безвозвратно закончилась и вся его жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.